
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

ГЕНЕРАЛ М.Г. ЧЕРНЯЕВ: ЛИЧНОСТЬ НА ФОНЕ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ ПО ЗАВОЕВАНИЮ ТУРКЕСТАНА РОССИЕЙ

С.Н. Брежнева

Кафедра отечественной истории и правоведения
Поволжский государственный университет сервиса
ул. Горького, 34, Тольятти, Россия, 445677

Статья посвящена изучению личности генерала М. Г. Черняева, чей полководческий талант и организаторские способности сыграли важную роль в присоединении Туркестана к России. На основе материалов личного архива Черняева исследуется проблема появления подобной личности в сложившихся исторических условиях. Автор приходит к выводу, что заслуги генерала М.Г. Черняева могут быть объяснены не только особенностями его характера, но и спецификой конкретной исторической обстановки.

Ключевые слова: М.Г.Черняев, полководец, Туркестан, завоевание, авантюризм, подвиги, среднеазиатские народы, заслуги, уважение, туркестанский генерал-губернатор.

Историю общества отличает то, что творцами ее являются люди. Давно уже ушла в прошлое марксистская концепция о решающей роли народных масс в истории. От того, какая личность находится в центре событий, во многом зависит ход истории. В процессе размышлений над историческим процессом возникает вопрос о том, каким образом та или иная личность влияет на дальнейшее развитие событий. Однако, в свою очередь, конкретная историческая обстановка формирует тип людей, который характерен для определенного периода. Если размеренная мирная жизнь ведет к появлению людей романтически настроенных, мечтательно, философски относящихся к жизни, то экстраординарные события, напротив, являют миру людей рис-

кованных, амбициозных, способных принять на себя ответственность за судьбы других, а иногда и пренебрегающих ими для пользы дела.

Вторая половина XIX в. изобилует событиями как во внутренней, так и во внешней политике Российского государства. Внешнеполитическое ведомство правления Александра II призвано было решить ряд неотложных задач в интересах государства. В числе глобальных проблем – это и возвращение Черного моря, фактически утраченного в период Крымской войны, и необходимость противостояния основному внешнеполитическому сопернику – Англии.

Собственно, и наступление на Среднюю Азию было вызвано не только необходимостью расширения территории страны и рынков сбыта, но и необходимостью иметь против Англии наступательное оружие. Военные кампании по завоеванию туркестанских территорий пестрят именами людей решительных, амбициозных, способных на крайние меры для достижения цели. Одной из таких характерных для того периода личностей был Михаил Григорьевич Черняев, который принадлежит к славной когорте российских полководцев, принимавших участие в завоевании Туркестана. Это был талантливый военачальник, авантюрист (практически самовольно взявший в 1865 г. Ташкент), с 1882 по 1884 г. – генерал-губернатор Туркестанского края.

Начало биографии Черняева вполне традиционно. Он родился в 1828 г. в дворянской семье, воспитывался в Дворянском полку в Петербурге. В 1851 г. он окончил Академию генерального штаба. В годы Крымской войны был в Севастополе, участвовал в боевых операциях севастопольского гарнизона, начиная с битвы под Инкерманом (24 октября 1854 г.), состоял при генерале С.А. Хрулеве.

По окончании войны Черняев стал начальником штаба третьей пехотной дивизии, а затем был переведен в распоряжение Оренбургского генерал-губернатора А. А. Катенина. С этого времени у М.Г. Черняева начинается период жизни, связанный со Средней Азией. 31 марта 1858 г. он был откомандирован в распоряжение генерал-майора А.Л. Данзаса в форт Перовский (1) и назначен начальником штаба Сырдарьинской пограничной линии. На новом месте службы М.Г. Черняев быстро стал профессионалом степной пограничной войны. С небольшим, но хорошо обученным отрядом казаков он громил кочевые отряды киргизов, отбивал невольников и совершал дерзкие, глубокие рейды в глубь Туркестана.

В июне–июле 1859 г. Черняев принял участие в экспедиции А.И. Бутаква на судах Аральской флотилии к Кунграду, временно отделившемуся от Хивинского ханства. Он возглавил отряд, посланный на помощь жителям Кунграда, выступившим против хивинского хана. В этот период Черняев проявил себя как хороший военный стратег. Им была подготовлена для генерал-майора А.Л. Данзаса инструкция об укреплении расположенного на р. Сырдарье Джулека (2), который был взят в 1861 г., и не исключено, что соображения Черняева сыграли в этом событии не последнюю роль.

К 1859 г. среди высших чинов правительства, членов министерства иностранных дел, высших военных чинов сложилось мнение о необходимости активного наступления на Туркестан. Сторонниками данного курса были Оренбургский генерал-губернатор А.А. Катенин, Западносибирский генерал-губернатор Г.Х. Гасфорд и будущий глава Азиатского департамента МИД Н.П. Игнатъев (друг Черняева по академии). Однако не было согласованности в вопросе о направлении движения. Об этом писал А.Л. Данзас в своей записке «О взглядах разных лиц по вопросу занятия р. Сырдарьи, о русских границах в связи с этим и русской политике» (3).

Как следует из текста, сам А.Л. Данзас был сторонником наступления на ханства Средней Азии со стороны Сырдарьи. Его подчиненный М.Г. Черняев, вероятно, со свойственной ему прямоотой и категоричностью не раз высказывался за преимущества наступления по Амударье. Так проявились первые разногласия между начальником и подчиненным, что сыграло свою роль в дальнейшей судьбе Черняева.

В той же записке А.Л. Данзас обосновывал необходимость наступления на Туркестан и занятия города Ташкента. Кто бы мог подумать тогда, что всего через шесть лет реализовать эту цель удастся его оппоненту М.Г. Черняеву. А до того момента, несмотря на представление очевидных аргументов генерала Катенина в рапорте Александру II о необходимости наступательных действий на Среднюю Азию, решение этого вопроса откладывалось на неопределенное время.

Боясь осложнений с Турцией, Англией и Ираном, Александр II отказался от подобных планов. Кроме того, Россия, отказываясь от наступательной политики, стремилась к смягчению международной обстановки, прежде всего в отношении государств Крымской системы – Англии, Франции и Австрии.

В этих условиях генерал М.Г. Черняев принимает решение покинуть Среднюю Азию. Этому способствовал также его конфликт с А.Л. Данзасом, которого поддержал Оренбургский генерал-губернатор Катенин. Черняев отбыл в декабре 1859 г. на Кавказ в распоряжение командующего войсками левого крыла Кавказской армии генерала Н.И. Евдокимова, под руководством которого Черняев прошел школу контрпартизанской войны против горцев.

Тем временем в Петербурге вызревала идея решительных действий в Средней Азии. После смерти Оренбургского генерал-губернатора А.А. Катенина в 1860 г. эту должность занял А.П. Безак, в распоряжение которого летом 1862 г. и был направлен М.Г. Черняев в качестве начальника штаба Оренбургского корпуса.

В 1863 г. А.П. Безак выдвинул проект о немедленном соединении Сырдарьинской и Сибирской линий. В феврале 1863 г. состоялось заседание особого комитета с участием министров, а также Оренбургского и Западносибирского генерал-губернаторов А.П. Безака и А.О. Дюгамеля, на котором было принято решение о соединении Сырдарьинской и Сибирской линий,

однако финансовое и дипломатическое ведомства отклонили его. Кроме финансовых трудностей, на решения Особого комитета повлияли расхождения во взглядах обоих генерал-губернаторов на задачи и цели политики России в Средней Азии. Безак предлагал занять Ташкент и включить его в состав Российской империи, а Дюгамель считал более целесообразным добиться создания в Ташкентском оазисе самостоятельного ханства под покровительством России.

Тогда инициативу взяло на себя западносибирское и оренбургское командование. Весной 1863 г. полковником Г.А. Колпаковским была произведена рекогносцировка Чуйской долины до крепости Аулие-Ата. В этом же году отрядами полковника Черняева были заняты кокандские укрепления на Сырдарье: Сузак и Чулак-Курган. Занятие данных укреплений произошло вопреки приказу Безака об осторожном проведении рекогносцировки от Джулека до Туркестана. Когда отряд Черняева дошел до Сузака, там вспыхнуло восстание против кокандской власти. Полковник поддержал восставших артиллерией, в результате кокандский гарнизон капитулировал, а население Сузака попросилось в русское подданство. Этому примеру последовало и население Чулак-Кургана. Проведение данной операции, как отмечает Е.А. Глущенко, «стало образцом для проведения операций в Средней Азии: малыми силами и средствами, энергично и решительно, без должного согласования с верхами, не дожидаясь одобрения и подхода резервов...» (4).

Петербургское правительство, поставленное перед фактом, согласилось на соединение Сырдарьинской и Сибирской линий. 26 декабря 1863 г. был подписан царский указ, ознаменовавший переход от разведывательного этапа к тотальному наступлению Российской империи на Туркестан. В 1864 г. военное министерство приступило к выполнению утвержденного императором решения.

Черняев, которого неудержимо влекло в Среднюю Азию, получает новое назначение в Сибирский военный корпус под начало Западносибирского генерал-губернатора А.О. Дюгамеля. Ему был предназначен пост начальника особого западносибирского отряда для занятия нескольких укрепленных пунктов в пределах промежуточной территории.

Соединение Сырдарьинской и Сибирской линий предполагалось осуществить силами войск двух корпусов – Оренбургского и Сибирского. Оренбургским корпусом должен был командовать полковник Н.А. Веревкин, Сибирским – полковник М.Г. Черняев. Отправившись в начале 1864 г. в г. Верный, где формировался отряд, Черняев приступил к решению задачи с весьма ограниченными средствами; расходы на экспедицию должны были покрываться остатками интендантских сумм западносибирского округа.

4 июня 1864 г. после двухчасовой осады отряду Черняева сдался г. Аулие-Ата, почти одновременно 12 июня Веревкин завоевал город Туркестан.

За эти запланированные победы оба полковника получили чин генерал-майора. Однако Черняев решил, что для окончательного соединения двух линий необходимо захватить и г. Чимкент. В нескольких переходах от Чимкента находился отряд Веревкина, к которому обратился Черняев с просьбой о поддержке. Однако вместо этого он «получил от Веревкина грубое письмо от 2 июля, в котором тот уведомлял, что отряда не вышлет, потому что нужно строить помещения на зиму и косить сено» (5). Тогда Черняев начинает действовать на свой страх и риск, очевидно, уверенный в поддержке Петербурга и государя, который в личной аудиенции накануне нового назначения Черняева, по-видимому, дал понять, что приветствует инициативу.

Город Чимкент при мощных укреплениях считался неприступной крепостью, но солдаты Черняева, используя фактор внезапности, в сентябре 1864 г. овладели им. За эту боевую операцию Черняев получил знак ордена Св. Георгия 3-й степени, о чем 2 ноября 1864 г. ему в письме сообщил Западносибирский генерал-губернатор А.О. Дюгамель (6).

Таким образом, в ходе кампании 1864 г. Черняев по собственной инициативе присоединил к России территорию Южного Казахстана и часть Узбекистана, но на этом не остановился. Его целью был Ташкент.

1 октября 1864 г. он подошел к городу и, видимо, уверенный в собственных силах, не проведя должной разведки, решился на штурм. Черняеву пришлось еще раз убедиться в силе кокандской артиллерии, так как под Ташкентом его ждала неудача, результатом которой было 16 погибших и 62 раненых (7). Черняев поспешил объявить неудачный штурм рекогносцировкой, однако это не могло обмануть профессионалов. 12 ноября 1864 г. он получил гневное письмо от Западносибирского генерал-губернатора А.О. Дюгамеля, который писал: «В донесении от 25 сентября Вы уведомили меня, что отправляетесь к Ташкенту, но не для того, чтобы взять этот город, а только для производства рекогносцировки... Каким же образом простая рекогносцировка обратилась в штурм города?» (8).

В ответ Черняев высказал свое несогласие с тем, что попытка захвата Ташкента не могла считаться нецелесообразной и, хотя оказалась неудачной, все же «была предпринята не с целью пожатия новых лавров», а для окончательного упрочения России в Зачуйском крае. «Что касается до неудачи и потери, понесенной нами..., – сообщал он в ответном письме, – я безропотно готов подвергнуться всякой ответственности, но перед совестью своею остаюсь совершенно спокойным даже и потому, что участь, постигшая... других, могла точно так же постигнуть и меня самого» (9). Послание заканчивалось просьбой об отставке. За этими строками просматривается личность автора – человека горячего, импульсивного, способного идти до конца к цели.

Однако, несмотря на неудачный поход на Ташкент, в Санкт-Петербурге явно благоволили Черняеву. В начале 1865 г. он назначается генерал-губер-

натором образованной из Зачуйского края и Сырдарьинской линии Туркестанской области. Она находилась в составе Оренбургского края, генерал-губернатором которого с 1865 г. являлся Н.А. Крыжановский.

Несмотря на то, что Черняеву было предписано воздерживаться от дальнейших попыток взять Ташкент, он решил действовать на свой страх и риск. В своих воспоминаниях о взятии Ташкента он пишет: «Зная о сношениях жителей Ташкента с эмиром, я поторопился со штурмом» (10).

Весной 1865 г. он начал подготовку к новому походу на Ташкент. Возможно, он торопился не только из-за активизации действий бухарского эмира, который не отказался от притязаний на Ташкент, с 1808 г. находившийся в составе Кокандского ханства. Дело в том, что новый генерал-губернатор Оренбургского края Н.А. Крыжановский собирался прибыть в Туркестанскую область в августе и до его прибытия просил никаких мер не предпринимать. Однако, как писал М.А. Терентьев, Черняев «не хотел делиться славой», и «на товарищеских советах решено было Крыжановского не ждать» (11).

С войском в две тысячи человек при 12 орудиях Черняев двинулся на Ташкент, который обороняло 30 тыс. сарбазов (солдат). В ночь с 14 на 15 июня 1865 г. Ташкент был взят штурмом. Генерал-майор генерального штаба Д.И. Романовский, преемник Черняева на посту генерал-губернатора Туркестанской области, писал в своей книге: «Не одобряя предположений генерала Черняева относительно занятия Ташкента, правительство, однако, не считало удобным слишком стеснять этого главного распорядителя на месте, на личной ответственности которого была оборона края, в то время совершенно неведомого» (12).

Двойственный характер политики Петербурга в отношении новых территориальных приобретений поистине поразителен: с одной стороны – давались рекомендации воздерживаться от них, а с другой – начальникам отрядов предоставлялась свобода действий. Результаты же их предприимчивости признавались достоянием истории как свершившийся факт, а предприимчивый первопроходец вслед за замечанием получал награду. В этой связи весьма примечательно следующее высказывание М.Г. Черняева, содержащееся в его записке фельдмаршалу князю Баратынскому, датированной 1867 г.: «Замечательный факт в истории распространения нашего владычества в Средней Азии, что все наше движение от Урала и Иртыша до подножия Гималаев и Тянь-Шаня сделано по инициативе местных ведомств при хроническом противодействии центрального правительства» (13).

Вместе с тем заслуги Черняева были оценены Александром II. Он получил поздравительное письмо от императора, датированное 13 ноября 1865 г., со следующими словами: «Михаил Григорьевич! Я следил с горячим вниманием за действиями наших войск в Кокандском ханстве и искренне радовался успехам Вашим» (14). Черняеву была пожалована золотая сабля

с бриллиантами. Взятие города Ташкента генералом Черняевым явилось одним из блестящих побед русской армии.

Черняеву на управляемой им территории удалось расположить к себе местное население. «17-го числа, – пишет он, – ко мне явились аксакалы и изъявили полную готовность подчиниться русскому правительству» (15). В фонде Н.И. Гродекова (Ф.307 ГИМ ОПИ) находится копия договора, заключенного Черняевым с ташкентскими жителями после взятия Ташкента. В нем, в частности, говорится: «1282 году месяца Сафара 6 дня пятница. Губернатор Черняев из сожаления освобождает жителей, и ничего брать не будет, а в следующий год Великий Белый Царь окажет надлежащую милость по своему благоусмотрению» (16).

Повидавшая множество свирепых завоевателей Средняя Азия встретила в лице Черняева не только храброго воина (что всегда ценилось на Востоке), но и разумного, справедливого правителя, уважавшего мусульманские обычаи. Войска Черняева не обижали мирных жителей и не посягали на их имущество. Черняев отменил на завоеванных территориях рабство, аннулировал большинство налогов; в свою очередь, чиновники из числа местных жителей начали получать жалованье из казны (до этого они жили за счет подношений просителей). Неудивительно поэтому, что уже в скором времени Черняев с горсткой солдат за сотни верст от ближайших русских гарнизонов мог быть совершенно спокоен за свою власть в Ташкенте. Жители Средней Азии уважительно прозвали Черняева «ташкентским львом», подчеркивая силу, храбрость и величавость победителя. Газетчики именовали Черняева «Ермаком XIX века», и это прозвище сопровождало его долгие годы.

Однако после взятия Ташкента нужно было решать, что с ним делать дальше. В российском МИДе полагали, что наиболее подходящим вариантом будет объявление независимости Ташкента. Это, по мнению российских политиков, должно было успокоить и эмира, считавшего Ташкент территорией своих владений, и Великобританию, опасавшуюся дальнейшего продвижения России к Индии. Часть высшего офицерского состава в Туркестане, в том числе и Черняев, считала необходимым при такой независимости присутствие русской армии в Ташкенте либо вблизи него. С этим категорически не был согласен канцлер А.М. Горчаков, который опасался, что присутствие русских войск даст Англии лишний повод усомниться в намерениях России.

Со временем, обдумывая дальнейшую судьбу Ташкента, Черняев пришел к выводу о необходимости включения этого города в состав Российской империи, что было доведено им до сведения Оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского. Естественно, что положительной реакции со стороны последнего это не вызвало. Крыжановский еще хорошо помнил обиду, нанесенную ему Черняевым при взятии Ташкента, когда тот не дождался приезда Оренбургского генерал-губернатора и самовольно взял город. Отношения двух генералов обострились.

Крыжановский поспешил объявить Ташкент независимым и представил свои соображения в Оренбурге, Романовский выступал докладчиком. В результате решено было вызвать в Петербург и Крыжановского, и Черняева (17). В конфиденциальном отзыве Военного министра к командующему войсками Оренбургского военного округа от 8 февраля 1866 г. говорится о том, что император Александр II, «найдя приводимые генерал-майором Черняевым доводы и объяснения неудовлетворительными и неполными, высочайше соизволил вызвать его в Петербург для личного доклада» (18). Еще раньше (24 января 1866 г.) Д. А. Милютин писал Н.А. Крыжановскому о возможной отставке Черняева и замене его Веревкиным. Но, учитывая самолюбие Черняева и его заслуги перед краем, он считал, что следует добиться, чтобы генерал сам ушел в отставку. «Мне известно, – писал Д.А. Милютин, – что он имеет намерение жениться, и невеста его в настоящее время находится в Петербурге. Весьма вероятно, что, прибыв сюда, он сам не признает удобным в своем новом положении возвратиться в Туркестанскую область» (19).

Однако Крыжановский, направляя 22 февраля 1866 г. Черняеву секретное предписание о немедленной явке в Петербург для разъяснений, пишет: «Предлагаю Вам с получения сего немедленно сдать на законном основании генерал-майору Романовскому как гражданское управление Туркестанской областью, так равно и командование войсками, в оной расположенными» (20). Для подобного распоряжения должен был быть весомый повод, и Крыжановский 1 марта 1866 г. пишет рапорт Военному министру о финансовых нарушениях Черняева в Средней Азии (21). Копия рапорта сопровождается пометками на полях, сделанными самим генералом Черняевым: «Вздор!», «Какая чепуха!» и т.п.

В конце концов официальный Петербург принял решение отозвать своевольного героя из Туркестана. Начатое Черняевым покорение Средней Азии было продолжено генералами Романовским, Кауфманом и Скобелевым, но сам Черняев был отстранен от всяких дел. 38-летний генерал, непрерывно воевавший 13 лет, был без всяких оснований выброшен из рядов армии, несмотря на свои победы и присоединение к России земель, превышающих по территории Францию, Германию и Италию вместе взятые.

27 августа 1866 г., после отставки Черняева, было принято решение о включении Ташкента в состав Российской империи (22). Как показали дальнейшие события, чувство страха было отнюдь не единственным фактором, вызывающим уважение к Черняеву со стороны местного населения. А.П. Хорошкин писал, что «он умел привязать к себе этих дикарей, и они звали и зовут его батыром» (23). Жители Ташкента преподнесли Черняеву в дар щит (24). Опальный генерал получал письма от граждан Ташкента, где они выражали надежду на его скорое возвращение (25). Так, в письме генералу Черняеву от 17 сентября 1866 г. говорилось: «Жители Чимкента и Ташкента молят Господа Бога, чтобы Его Величество Государь Император соблагово-

лил прислать Вас к нам снова» (26). Они и в самом деле неоднократно обращались к Александру II с жалобами на Романовского и просили вернуть Черняева (27).

Конечно, решение не было отменено, но Черняев вошел в состав 13 членов комиссии, возглавляемой Д. А. Милютиным, которая зимой 1867 г. приняла решение о создании независимого от Оренбурга Туркестанского генерал-губернаторства. Однако генерал-губернатором Туркестанского края был назначен другой человек – К.П. фон Кауфман.

Тем временем оказавшийся в Санкт-Петербурге М.Г. Черняев открыл в себе талант публициста, приобретя в 1873 г. совместно со своим давним знакомым по Кавказу генералом в отставке Р.А. Фадеевым консервативный орган «Русский Мирь». В этот период он сблизился со славянофилами. Но для такой неустойчивой натуры, как Черняев, бездействие означало смерть. Когда в Боснии в 1875 г. началось восстание местных сербов против турецкого ига, Черняев, несмотря на запрет МИДа выдать ему загранпаспорт, нелегально прибыл в Сербию, где возглавил сербскую армию. Однако ввиду малочисленности армии, ее плохого вооружения и отсутствия дисциплины события развивались не в пользу русского генерала. В ожесточенном бою у Джуниса 17 октября 1875 г. Черняев потерпел единственное в своей военной карьере поражение.

Эта война была проиграна, и она стала роковой для репутации русского генерала, которого не только Петербург, но и официальный Белград предпочли объявить виновником поражения. М.Г. Черняев покинул Сербию и поселился в Кишиневе. В русско-турецкой войне 1877–1878 гг. о нем совершенно забыли. На фоне М.И. Драгомирова, Н.Г. Столетова, И.В. Гурко, М.Д. Скобелева он, действительно, выглядел неудачником.

Но в 1882 г. судьба вновь подарила ему шанс, и это было связано опять со Средней Азией. После смерти первого генерал-губернатора Туркестанского края К.П. фон Кауфмана Черняев был назначен Александром III на эту почетную должность. Это был знак высочайшего доверия, означавший полную реабилитацию. Ради этого случая Черняев был произведен в генерал-лейтенанты.

Однако, как показала жизнь, храбрый воин, он не был предназначен для чиновной должности. За два года работы на посту генерал-губернатора он не обнаружил таланта администратора, не сумел проявить умения в выборе сотрудников и доверенных лиц. Фактически в годы его правления была уничтожена библиотека, собранная при Кауфмане. Вслед за библиотекой были закрыты школа шелководства, хлопковая ферма, химическая лаборатория, служба технического надзора за ирригацией, питомник растений и другие подобные учреждения. Черняев словно мстил за свою многолетнюю разлуку с Туркестаном. Под влиянием неудачных советников Черняев сосредоточил в своем лице высшую апелляционную и кассационную инстанции по всем судебным делам края, а на запросы Сената отвечал уклончиво, в пренебре-

жительном тоне. В конце концов благоволивший к нему вначале император Александр III вынужден был принять решение об его отставке. В январе 1884 г. М.Г. Черняев был отстранен от занимаемой должности. После этого он еще являлся некоторое время членом Военного совета. В 1898 г. генерал М.Г. Черняев скончался в своем родовом имении Тубышки Могилевского уезда.

Как показал исследуемый материал, среднеазиатский период в жизни М.Г. Черняева был, с одной стороны, самым удачным, но в то же время тяжелым и даже трагичным. Ключевский когда-то написал о патриархе Николе: «Это словно парус, который только в буре бывает самим собой, а в затишье треплется на мачте бесполезной тряпкой» (28).

Слова великого историка вполне применимы к безоглядной натуре Черняева. Личность, оказавшаяся в нужном месте в нужное время, превращается в Героя, но эта же личность становится малоценной в условиях мирной жизни. Автор статьи о Черняеве в «Словаре Брокгауза и Ефрона» Л. Слонимский писал: «Нет сомнения, что внезапная приостановка его служебной карьеры после блестящего завоевания Туркестанского края многое объясняет в дальнейших увлечениях – он был выбит из колеи именно в тот момент, когда принес большую услугу государству» (29). С этим мнением нельзя не согласиться. Однажды прославившись, человеку трудно бывает соответствовать созданному образу Героя всю жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (далее – ГИМ ОПИ). – Ф. 208. – Д. 4. – Л. 1.
- (2) Там же. – Л. 43–46.
- (3) Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 67. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 5–8.
- (4) См.: *Глуценко Е.А.* Герои империи. Портреты российских колониальных деятелей. – М., 2001. – С. 367.
- (5) *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1. – СПб., 1906. – С. 283.
- (6) ГИМ ОПИ. – Ф. 208. – Д. 6. – Л. 25–26.
- (7) По другим данным 18 убитых, 60 раненых.
- (8) ГИМ ОПИ. – Ф. 208. – Д. 6. – Л. 27–28 об.
- (9) Там же. – Л. 30.
- (10) ГИМ ОПИ. – Ф. 208. – Д. 31. – Л. 9.
- (11) *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1. – СПб., 1906. – С. 85.
- (12) *Романовский Д.И.* Заметки по среднеазиатскому вопросу. – СПб., 1868. – С. 32.
- (13) ГИМ ОПИ. – Ф. 208. – Д. 31. – Л. 8.
- (14) Там же. – Д. 2. – Л. 3.
- (15) Там же. – Д. 31. – Л. 11.
- (16) ГИМ ОПИ. – Ф. 307. – Д. 42. – Л. 2 об.
- (17) *Романовский Д.И.* Указ. соч. – С. 36.
- (18) ГИМ ОПИ. – Ф. 208. – Д. 6. – Л. 63–63 об.

- (19) Там же. Л. 60 об.
- (20) Там же. Л. 64 об.
- (21) Там же. Л. 89–93.
- (22) РГВИА. – Ф. 400. – Д. 19. – Л. 54–55.
- (23) *Хорошихин А.П.* Сборник статей, касающихся Туркестанского края. – СПб., 1876. – С. 24.
- (24) ГИМ ОПИ. – Ф. 208. – Д. 6. – Л. 96.
- (25) Там же. – Л. 99–100
- (26) Там же. – Л. 101.
- (27) Там же. – Л. 103–109.
- (28) Там же.
- (29) Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 38. – СПб., 1899. – С.695.

REFERENCES

- (1) The State Historical Museum. Department of written sources (GIM OPI), f. 208, ed. khr.4, l. 1.
- (2) Ibid., ll. 43–46.
- (3) Russian State Military Historical Archive (RGVIA), f.67, op. 1, d. 119, ll. 5–8.
- (4) See.: Glushchenko E.A. *Geroi impenii. Portrety rossiyskikh kolonial'nykh deyateley.* [Heroes of the empire. Portraits of the Russian colonial figures]. Moscow, 2001, p. 367.
- (5) Terentyev M. A. *Istoriya zavoevaniya Sredney Azii* [History of Central Asia' conquest], St–Petersburg, 1906, vol. 1, p. 283.
- (6) GIM OPI, f. 208, d. 6, ll. 25–26.
- (7) According to other reports 18 killed, 60 injured
- (8) GIM OPI, f. 208, ed. khr. 6, ll. 27–28 turn.
- (9) Ibid., l. 30.
- (10) Ibid., ll. 31–32.
- (11) GIM OPI, f. 208, d. 31, l. 9.
- (12) Terentyev M. A. *Istoriya zavoevaniya Sredney Azii* [History of Central Asia' conquest], p. 85.
- (13) Romanovsky D.I. *Zametki po sredneaziatskomu voprosu* [Zametki on the Central Asian question]. St–Petersburg, 1868, p. 32.
- (14) GIM OPI, f. 208, ed. khr. 31, l. 8.
- (15) Ibid., d. 2, l. 3.
- (16) Ibid., d. 31, l. 11.
- (17) GIM OPI, f. 307, d. 42, l. 2 turn.
- (18) Romanovsky D.I. Romanovsky D.I. *Zametki po sredneaziatskomu voprosu* [Zametki on the Central Asian question], p. 36.
- (19) GIM OPI, f. 208, d. 6, ll. 63–63 turn.
- (20) Ibid., l. 60 turn.
- (21) Ibid., l. 64 turn.
- (22) Ibid., ll. 89–93.
- (23) RGVIA, f. 400, d. 19, ll. 54–55.
- (24) *Horoshkhin A.P.* *Sbornik statey, kasayushchikhsya Turkestanskogo kraya* [Collection of articles relating to Turkestan]. St–Petersburg, 1876, p. 24.
- (25) GIM OPI, f. 208, d. 6, l. 96.
- (26) Ibid., ll. 99–100.

(27) *Ibid.*, l. 101.

(28) *Ibid.*, ll. 103–109.

(29) *Ibid.*

(30) *Slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona* [Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A.Efron]. St–Petersburg, 1899, vol. 38, p. 695.

**GENERAL M.G. CHERNYAEV:
PERSONALITY AGAINST THE BACKGROUND OF MILITARY CAMPAIGN
ON RUSSIA'S CONQUEST OF TURKESTAN**

S.N. Brezhneva

Department of History of Russia and Law
Volga Region State University of Service
Gorkogo Str., 34, Togliatti, Russia, 445677

This article is devoted to General M. G. Chernyaev, whose leadership talent and organizing skills played an important role in annexation of Turkestan to Russia. The problem of such a personality appearance in certain conditions is considered on the basis of Chernyaev's personal files. The author comes to the conclusion that Chernyaev's merits can be explained not only by character features, but also by specificity of a certain historical setting.

Key words: M.G. Chernyaev, commander, Turkestan, conquest, adventurism, feats, Central Asian nations, merits, respect, Turkestan governor general.